

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

М. С. Головин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

За последние несколько лет в Европейском союзе резко выросла электоральная популярность праворадикальных политических партий и движений. Кризис идеи национальной идентичности, социально-экономические проблемы, миграционный вопрос, а также спорный статус ЕС в международных отношениях — это лишь часть проблем, актуализацией которых активно и, как показывают результаты выборов различных уровней — от локальных до общеевропейских, — с успехом занимаются современные европейские крайне правые. Основой их идеологии является национал-популизм, а основным инструментом — националистический дискурс, формируя и используя который они оказывают влияние на политический выбор всё большего числа европейцев. В настоящей статье рассматриваются различные подходы зарубежных и отечественных исследователей к феномену националистического дискурса. В частности автор попытался разобрать механизмы формирования националистического дискурса путем анализа теоретических конструктов, предложенных исследователями данного феномена. Показан процесс зарождения дискуссии о феномене националистического дискурса в отечественной науке (А. Миллер, П. Кандель, В. Малахов), а также рассмотрены как уже ставшие классическими, так и современные подходы к анализу проблемы дискурса национализма в общественно-политических процессах. Сложности в определении данной категории политической науки свидетельствуют, вероятно, как об актуальности ее для современной политики, так и о необходимости дальнейшего исследования. В завершении статьи автором предпринята попытка определения исследуемого явления, учитывая как опыт предшествующих исследований, так и особенности политического процесса в современной Европе.

Ключевые слова: националистический дискурс, праворадикальные партии, ЕС, нация, идеология, конструктивизм.

В течение нескольких последних лет (точкой отсчета, пожалуй, можно считать май 2014 г. — выборы в Европейский парламент) партии и движения, считавшиеся прежде маргинальными, становятся влиятельными акторами политических процессов во многих государствах Европы, потеснив правоцентристов и левоцентристов. Последние, обладавшие в послевоенное время своеобразной монополией на распределение властных ресурсов, вынуждены объединяться, дабы не допустить прихода к власти той политической партии, которая на волне миграционного кризиса, кризиса национальной идентичности, а также социально-экономических проблем с каждым годом пользуется всё большей популярностью у электората целого ряда европейских государств. Речь идет о праворадикальных политических партиях и движениях, активно действующих

практически во всех европейских странах. За последние три-четыре года они существенно увеличили свое представительство в парламентах многих государств Европейского союза. Одним из инструментов достижения такого успеха является тот дискурс, который используют крайне правые партии в ходе политической и, в частности, предвыборной борьбы — дискурс национальной идентичности, или, корректнее, националистический дискурс. Природа и механизмы формирования последнего и станут предметом исследования в настоящей статье.

В гуманитарных и социальных науках за последние несколько десятилетий выработано множество подходов к определению понятия «дискурс» и еще больше — к понятию «национализм». Как справедливо замечает А. Ломагина, будучи введенным в оборот в 60-х годах прошлого века, термин «дискурс» и по сей день остается дискуссионным в силу его многозначности (Ломагина, 2013, с. 160). Она отмечает, что если брать социогуманитарное измерение интересующего нас понятия, то можно сформулировать его следующим образом: дискурс — «социально обусловленная организация речевой системы» (Ломагина, 2013, с. 160). Пожалуй, одно из самых близких для политической науки определений дискурса сформулировал французский философ М. Фуко, который предложил поместить в контекст рассмотрения дискурса идеологию и власть (Ломагина, 2013, с. 160). Интересным представляется также и та трактовка дискурса, которую в качестве рабочей предлагает один из исследователей непосредственно дискурса национализма А. Миллер. В работе «О дискурсивной природе национализмов» он дает, вероятно, наиболее точное в контексте рассматриваемой проблемы определение дискурса, которое звучит следующим образом: «Дискурс — отложившийся и закрепленный в языке способ упорядочения действительности и видения мира. Выражается в разнообразных (не только вербальных) практиках, а следовательно, не только отражает мир, но проектирует и со-творяет его» (Миллер, 1997). Исходя из этого, а также из вышеприведенных определений понятия «дискурс», можно сделать вывод о том, что с помощью определенных дискурсивных практик различного идеологического окраса, политические партии во многом конструируют реальность в рамках существующего социального и политического контекста. Что же касается национализма, то он — как и другие мета-идеологии — либерализм, социализм, консерватизм — имеет множество научных и околонучных определений. Более того, в контексте глобализации «национализм» стал удобным объектом для спекуляций, что создает у обывателя ощущение полной размытости и неясности этого понятия. В исторической и политической науках существует несколько школ, по-разному трактующих такие явления, как нация и национализм. Примордиализм (К. Гирц, Э. Шилз), этносимволизм (Э. Смит), социальный конструктивизм (Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, К. Калхун и др.), инструментализм (Н. Глейзер, В. А. Тишков) — представители этих направлений имеют свой взгляд на проблему формирования и существования наций. Стоит лишь отметить, что в современной политической науке большинство ученых, занимающихся вопросами национализма, придерживаются скорее конструктивистских, нежели примордиалистских позиций. Словом, для большинства специ-

алистов гораздо важнее проследить процесс конструирования нации, выявить механизмы ее «изобретения» и ее природу, нежели ссылаться на многовековую историю того или иного национального сообщества, подтверждая истинность своей позиции.

В российской политической науке понятие «националистический дискурс» появилось в середине 1990-х годов, когда на страницах журнала «Pro et Contra» состоялась дискуссия по поводу его трактовки. В научной полемике приняли участие упомянутый выше А. Миллер (собственно, после публикации его статьи в 1997 г. и началось обсуждение понятия «националистический дискурс» в отечественной науке), П. Кандель и, немного позднее, В. Малахов. Остановимся подробнее на каждой из концепций, ставших началом дискуссии о феномене «националистического дискурса» в отечественных социальных науках.

В статье «О дискурсивной природе национализма» А. Миллер анализирует те подходы к понятию «национализм», которые, с его точки зрения, отчетливее всего отражают дискурсивную сущность этой идеологии. Исследователь ссылается на работу М. Фуко «Археология знания», в которой говорится о главной задаче дискурса, а именно о том, «чтобы рассматривать их [дискурсы] как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят» (Фуко, 1996, с. 427–428). Кроме того, А. Миллер упоминает Бенедикта Андерсона, полагая, что в своей трактовке национализма британский ученый, сам термина «дискурс» не употреблявший, в сущности описал именно националистический дискурс, представив формирование наций как «воображаемых сообществ» (Миллер, 1997). Важна также отсылка к работе К. Вердери. Согласно подходу этой исследовательницы, национализм — это «политическое применение символа нации при помощи дискурса и политической деятельности, а также чувство, которое заставляет людей реагировать на его применение» (Вердери, 2002, с. 298). Пожалуй, это одно из первых определений, близкое к сущности исследуемого феномена: именно символическое значение таких понятий, как «нация», «культура», «идентичность», антитеза «свои — чужие», а также сильнейшая эмоциональная окраска являются неотъемлемой частью идеологического дискурса самых ярких его выразителей — праворадикальных партий современной Европы, которые сумели актуализировать социально-политическую повестку, используя националистический дискурс как инструмент в своей борьбе. В конце работы А. Миллер подчеркивает контекстуальную характеристику националистического дискурса: «Ни один национализм не развивается вне противостояния *другому*, а иногда и другим национализмам, стремящимся утвердить свои иерархии идентичностей и ценностей» (Миллер, 1997, с. 146). И действительно, в современной Европе крайне правые используют националистический дискурс для противопоставления своей нации, своей идентичности и своих ценностей «другому», в качестве которого выступают радикальный ислам (ислаимизм), а также — что не следует обходить вниманием — идеи общеевропейского единства по той модели, которая сегодня существует в ЕС. Конечно, не стоит ставить на одну чашу весов ислаимизм как идейно-политическое течение и идеи Европы регионов, но, так или иначе, и первый, и второй феномены — также получающие выражение в определенных дискурсах —

являются объектом для критики со стороны праворадикальных организаций. Как, впрочем, и наоборот.

В 1998 г. отечественный исследователь П. Кандель опубликовал статью с ироничным, как сам он отмечает, названием — «О национализме с “человеческим лицом”». Главная претензия П. Канделя к А. Миллеру состоит в том, что последний предлагает вместо понятия «национализм», которое для большинства содержит негативные смыслы, употреблять намного более нейтральное понятие «националистический дискурс» (Кандель, 1998). Согласно П. Канделю, подход А. Миллера лишь вносит неясность в определение характерных особенностей такого явления, как «национализм». В целом оппонент А. Миллера считает, что увязывание определенной идеологии с дискурсом служит лишь для размывания понятия и провоцирует отход от сущностных характеристик той или иной идеологии. Представляется, что подобная характеристика обладает некоторыми теоретическими недостатками. Как верно отмечает А. Чемакин, монархист-республиканец или коммунист-либерал — это нечто далекое от реальности, но вот национал-республиканец или национал-либерал — вполне себе реальное явление для политического процесса (Чемакин, 2012, с. 117). Стоит отметить, что при всей критической составляющей статьи, П. Кандель солидарен с А. Миллером в одном — национализм претендует на то, чтобы считаться «базовым оператором», который не избирается, а существует в сознании огромного числа людей изначально. Действительно, если либеральная идеология уповает на права и свободы человека, социалистическая — на равенство и справедливость, то националистическая — на то, что дано человеку от рождения — например, его этническую принадлежность. Вероятно, это одна из главных причин популярности националистического дискурса в целом и в современной Европе в частности. Глобализация, иммиграция, размывание национальных границ, утрата части суверенитета — всё это затрагивает современных европейцев и часть из них — с каждым годом увеличивающаяся — готова проголосовать за ту партию, которая предлагает альтернативный вариант развития, противоположный идеям как правоцентристов (консерваторов), так и левоцентристов (социал-демократов).

Еще один отечественный ученый, уделивший внимание проблеме националистического дискурса, — крупнейший специалист в области теории национализма и проблем миграции В. С. Малахов. Стоит отметить, что сам дискурс В. Малахов понимает как «закрепленный в языке способ упорядочения социальной реальности» (Малахов, 2010, с. 122). Националистический же дискурс, по В. С. Малахову, — это «аналитическая модель, которая дает возможность сопоставить друг с другом различные идеологические конфигурации, а также проследить, из каких элементов эти конфигурации состоят» (Малахов, 2010, с. 122–123). Выдвигая данное определение националистического дискурса, В. С. Малахов вступает в дискуссию с той трактовкой националистического дискурса, которую предлагает А. Миллер. Согласно последнему, националистический дискурс — нечто, вмещающее всех участников дискуссий на тему национализма, как публичных, так и научных (Миллер, 1997, с. 141–152). Как и П. Кандель, но уже со своих позиций, В. Малахов критикует А. Миллера за не-

четкость определения националистического дискурса. В своей работе В. С. Малахов ссылается на труд И. Берлина, посвященный, кроме всего прочего, и национализму. Британский философ выделил следующие элементы структуры националистического дискурса (Берлин, 2001, с. 344–351):

- 1) принадлежность к нации — фундаментальная характеристика человеческого существования;
- 2) нация как единый организм;
- 3) вера в моральный приоритет принципа нации;
- 4) «нация» как главное основание всех притязаний на власть.

Данные четыре положения В. С. Малахов предлагает считать основными элементами националистического дискурса, так как, по его мнению, эти элементы свойственны любому виду и типу национализма (Малахов, 2010, с. 124). При этом автор постоянно подчеркивает, что дискурс, который он описал, — это аналитический конструкт. Для концепции В. С. Малахова характерно и то, что он предлагает не отождествлять идеологию и дискурс, так как считает, что идеология, в том числе и идеология национализма, может содержать сразу несколько дискурсов. В качестве примера он приводит идеологию немецкого национализма — идейные основы НСДАП — и обращает внимание на то обстоятельство, что в этой идеологии присутствуют элементы различных дискурсов — от расистского до социалистического (Малахов, 2010, с. 125). Здесь можно отметить, что, конечно же, и современные националистические партии не ограничиваются лишь соответствующим дискурсом. Однако именно националистический дискурс является системообразующим в предвыборной агитации и программах практически всех крайне правых партий в современной Западной Европе.

На наш взгляд, каждый из трех «первооткрывателей» феномена националистического дискурса в отечественной науке по-своему прав, однако стоит заметить следующее. Во-первых, безусловно, националистический дискурс есть явление жестко оппозиционное, формируемое и используемое против Другого в контексте борьбы за доминирование собственных ценностей и норм (позиция А. Миллера). Но в то же время сложно согласиться с П. Канделем, который критикует А. Миллера за введение нейтрального, по его мнению, понятия «националистический дискурс» в противовес негативно окрашенному «национализм». Однако здесь, как представляется, уже более предметно оппонирует А. Миллеру третий участник дискуссии — В. Малахов, который указывает на довольно широкое смысловое наполнение понятия «националистический дискурс» А. Миллером, из-за чего его содержание «безнадежно размывается и перестает быть аналитическим инструментом» (Малахов, 2010, с. 123). В целом, вероятно, стоит разделять национализм как идеологию и националистический дискурс как инструмент в политической борьбе и понимать последний не как контекстуальное пространство, в котором ведутся дискуссии о национализме, а как механизм конструирования определенной общественно-политической реальности посредством оперирования понятиями, лежащими в основе националистической идеологии и приспособленными к актуальным политическим процессам.

Конечно, рассмотренная дискуссия между тремя отечественным специалистами способствовала тому, что такое явление, как «националистический дискурс» стало более сложным, что, наверное, повышает его значимость среди категорий политической науки, ибо чем пространнее определение, данное понятию, тем сложнее употреблять его в ходе академической дискуссии, а также оперировать им в рамках научных исследований. В то же время, чтобы сформулировать какое-то единое определение националистического дискурса (если такое вообще возможно), необходимо рассмотреть ряд подходов, сформулированных зарубежными представителями политических и других общественных наук.

В настоящей статье уже упоминались концепции К. Вердери и Б. Андерсона, стоит обратить внимание также на работу К. Калхуна «Национализм», в которой американский исследователь рассматривает национализм в том числе и в дискурсивном преломлении, подчеркивая его значимость и многомерность. Книга вышла в свет в начале XXI в., но еще в 1993 г. в статье «Национализм и этничность» К. Калхун указывал на дискурсивную природу национализма. Словом, ученого интересовало не столько само содержание «национализмов», сколько форма их проявления (Ломагина, 2013, с. 163).

Уже в самом начале работы К. Калхун обозначает свое видение национализма, которое далее получает развитие. Говоря о «дискурсивной формации национализма», Калхун отмечает, что именно подобный способ «осмысления социальной солидарности, коллективной идентичности и связанных с ними вопросов играет решающую роль и в производстве националистического самопонимания, и в признании националистических притязаний другими» (Калхун, 2006, с. 30). Помимо всего прочего исследователь выделяет и некоторые основные, на его взгляд, элементы националистического дискурса («риторики нации»):

- 1) границы территории и население;
- 2) представления о целостности нации;
- 3) суверенитет/стремление к суверенитету;
- 4) правление справедливо, когда оно отражает «волю народа»;
- 5) народная мобилизация;
- 6) прямое членство (когда каждый осознает себя членом нации);
- 7) культура (сочетание языка, общих убеждений и ценностей);
- 8) глубина во времени (нация существовала в прошлом и будет существовать в будущем, она исторична);
- 9) общее происхождение/расовые черты;
- 10) историческая/сакральная связь с определенной территорией (Калхун, 2006, с. 31).

Анализируя выделенные Калхуном элементы «риторики нации», можно отметить, что среди них присутствуют и примордиалистские мотивы (особенно в пункте № 8), а ряд характеристик свойственен практически любому националистическому дискурсу, в том числе, естественно, и дискурсу праворадикальных партий. Сравнивая выделенные элементы с теми, которые обозначил

И. Берлин в работе «Национализм: вчерашнее упущение и сегодняшняя сила», о которой уже упоминалось выше, можно отметить, что все характеристики, выделяемые британским философом, так или иначе отражены, а также расширены и в работе К. Калхуна. Интересно, что исследователь делает важное замечание: перечисленные им элементы «риторики нации» — это именно дискурс, а не то, что мы можем доказать эмпирическим путем как достижение той или иной нации. Другими словами, сама риторика и речь конструируют нацию, а не наоборот. В контексте изучения националистического дискурса отдельных партий это замечание особенно ценно для понимания сущности феномена националистического дискурса, который используется той или иной крайне правой политической организацией в процессе влияния на массовое сознание и достижения своих политических целей.

К. Калхун достаточно точно указывает, почему именно национальная идентичность, а также дискурс национализма имеют сильное влияние на человека: «В дискурсе национализма каждый является просто китайцем, французом или эритрейцем. Чтобы быть членом нации, индивиду не нужны опосредования семьи, общины, области или класса. Национальность понимается как атрибут индивида, не связанный с промежуточными ассоциациями... Поэтому в фукианском смысле слова национальность считается вписанной в само тело современного индивида» (Калхун, 2006, с. 104–105). Именно эта «вписанность», как представляется, является одной из причин того, что партии, использующие националистический дискурс как основу своей идеологии, в последние два десятилетия оказывают значительное влияние на политические предпочтения европейцев. И это всё происходит, надо заметить, на фоне внедрения в массовое сознание идей общеевропейской идентичности, а также мультикультурализма — как идеологии культурного плюрализма, так и как политической практики.

Стоит отметить, что К. Калхун призывает отказаться от оценочных характеристик национализма, а точнее его дискурса: «Дискурс национализма слишком важен и распространен, чтобы приклеивать ему ярлык “хорошего” или “плохого”» (Калхун, 2006, с. 176). Иными словами, ученый указывает, что необходимо выявлять саму сущность этого явления. К этому, вероятно, можно добавить, что внимание исследователя, занимающегося подобной проблематикой, в идеале должно быть сосредоточено не на возвеличивании национального или, наоборот, уничижительном к нему отношении, а на анализе причин и факторов, которые способствуют росту популярности национализма и, конкретнее, националистического дискурса в современном мире в целом и в Европе в частности. В заключение своей работы исследователь отмечает, что национализм — это не просто манипуляция или иллюзия, ибо тогда он не имел бы такого влияния и — заметим отдельно — не способствовал бы электоральному росту праворадикальных партий, главным инструментом которых он является. Однако те, кто его используют как дискурсивную формацию, неизбежно вызывают к исторической природе нации, отказываясь понимать ее как конструкт. Таким образом, работа К. Калхуна является важным этапом в осмыслении национализма как дискурсивной формации, в анализе природы националистического дискурса

и еще раз подчеркивает актуальность национальной повестки в рамках современного политического процесса.

Достаточно интересным представляется подход исследователя Д. Шварцмантеля. В работе «Идеология и политика», вышедшей в 2008 г. и переведенной на русский язык уже через год, он уделяет внимание также и национализму. Он исходит из гипотезы о дискурсивном доминировании идеологии неолиберализма. Шварцмантель видит одну из основных задач своего исследования в том, чтобы выявить причины и механизмы доминирования неолиберализма, а следовательно, и то, как его дискурс сказывается на других идеологиях (Шварцмантель, 2009, с. 72). В то же самое время он отмечает, что одно из главных отличий националистической идеологии, благодаря которому она и соответствующий ей дискурс так успешны в современном мире, — это более «легкое» в плане теории мировоззрение, которое не перегружено концептуальными конструктами и намного лучше может сплотить людей (Шварцмантель, 2009, с. 154). Данное утверждение представляется достаточно спорным, ибо все идеологии так или иначе применяются акторами политического процесса в популистских целях (и, конечно, в целях навязывания собственного представления о реальности). Поэтому стоит говорить, скорее, не о «легкости» националистической идеологии, но о соответствующем контексте, в рамках которого он актуализируется и, в конечном итоге, выражается в росте электоральной популярности праворадикальных партий. Но, несмотря на это, Д. Шварцмантель указывает на определенную зависимость процессов глобализации и роста националистических настроений в обществе, а также, конечно, роста популярности соответствующего дискурса. Он отмечает, что в современном мире форма «агрессивного» национализма получила существенный стимул к развитию из-за доминирования идей глобализма (Шварцмантель, 2009, с. 168). Радикально-правый дискурс «нации», по мнению Д. Шварцмантеля, соотносится с точкой зрения «интегральной школы» и представителей эссенциализма, благодаря чему дискурс выстраивается следующим образом: принадлежность к нации — это принадлежность к одной культурной или этнической группе, а национальной идентичности угрожают иммигранты, «чужие». Ученый говорит о том, что примером такого феномена являются, как правило, праворадикальные силы, которые используют националистический популизм и «национальный» дискурс как стиль в своей политике: они эксплуатируют антииммигрантскую тематику и апеллируют к идее «мы — они» и «друзья — враги» в рамках политического процесса. Для иллюстрации своих слов исследователь приводит примеры дискурса таких националистических партий, как Австрийская партия свободы и французский «Национальный Фронт», которые, по мнению Д. Шварцмантеля, «стремятся вытеснить позитивную концепцию нации и заменить ее обращенными в прошлое концепциями закрытого общества» (Шварцмантель, 2009, с. 169–171). Стоит отметить, что антиномии «мы — они», «друзья — враги» действительно являются одной из основ националистического дискурса праворадикальных партий. Но степень радикальности этого противопоставления варьируется в зависимости от того, в рамках какого политического поля — легального или находящегося за рамками закона — та или иная крайне правая партия осуществляет свою деятельность.

Одним из крупнейших исследователей и теоретиков дискурс-анализа в современном мире является Т. Ван Дейк. Стоит сказать, что практически ни одно серьезное исследование, касающееся проблем дискурсивных практик, не обходится без упоминания этого ученого и концепции критического дискурс-анализа (КДА). В своей главной работе «Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации» нидерландский ученый определяет дискурс как «специфичное коммуникативное событие в общем и письменную или устную форму взаимодействия или использования языка в частности» (Ван Дейк, 2013, с. 131). В контексте настоящей работы наиболее интересным представляется то, что Ван Дейк в своем труде большое внимание уделяет проблеме «дискурс и расизм», формулируя и анализируя те механизмы, с помощью которых дискурсивные практики расизма (включая, конечно, этнонационализм) функционируют. К примеру, в одной из частей своего исследования Ван Дейк подробно поясняет природу дискурса национализма в контексте политической/парламентской борьбы, обнажая те методы, с помощью которых политический дискурс критики иммиграционных процессов маскируется под социально приемлемую риторику: «Как и в случае с отрицаниями в повседневных диалогах, парламентские речи могут начинаться с продолжительных фрагментов, посвященных положительной саморепрезентации в форме националистического восхваления “долгих традиций толерантности” и “гостеприимства для всех преследуемых”. Но, конечно же, “мы не можем разместить у себя всех”, “у нас нет денег” и т.д. Это означает, что следующая часть дебатов будет достаточно негативной, и выступающие перейдут к характеристике Других или легитимации планируемых ограничений в отношении иммиграции» (Ван Дейк, 2013, с. 146). Ван Дейк справедливо подчеркивает, что одним из методов, которым пользуются расисты — безусловно, заметным и у крайне правых политиков, — является отрицание принадлежности к этой негативной идентичности. Человек, отрицающий свою нетерпимость, часто говорит фразу, подобную приводимой ученым: «Я лично ничего против них не имею, но моим клиентам не нравится, когда персонал состоит из черных» (Ван Дейк, 2013, с. 154). Переводя этот пример из плоскости бытового расизма в контекст политической борьбы, можно легко заменить говорящего на политика, а «персонал» — на общество. Таким образом, политик с националистическими убеждениями создает себе образ «спасителя», человека, который приходит на помощь в критической ситуации и, следовательно, существенно снижает уровень своей ответственности. В целом работа Ван Дейка, хоть и косвенно касающаяся непосредственно националистического дискурса, является существенным вкладом в исследование природы дискурса национализма в его самых крайних проявлениях. Особенно важно отметить то, что в работе нидерландского ученого происходит деконструкция дискурса расизма, что позволяет проследить процесс его формирования и наполнения различными смыслами, способными повлиять на сознание общества.

Одной из серьезных работ, изданных за последние несколько лет, в которой рассматривается природа националистического дискурса, можно считать книгу ученого Р. Водак «Политика страха. Что значит дискурс правых популистов?»,

вышедшую в 2015 г. Основным предметом анализа в книге является дискурс правопопулистских политических партий и конкретных их представителей. Представляется интересным то, какие элементы актуального для нас концепта выделила Р. Водак в своем исследовании. Проанализировав теоретические подходы и эволюцию понятия «правый популизм», сделав акцент на феномене политики идентичности, а также рассмотрев некоторые дискурсивные стратегии правых популистов, Р. Водак выводит ряд феноменов, связанных, по ее мнению, с риторикой правых популистов и, на наш взгляд, имеющих непосредственное отношение к сущности националистического дискурса (Водак, 2018, с. 139–140):

- 1) фокусировка на гомогенном демосе, народе (нативистские критерии определения данных понятий);
- 2) акцент на «исконной нации», конструирование сценариев угроз («Нам» угрожают «Они»);
- 3) вера в общий нарратив о прошлом (конструирование ревизионистской истории, в которой «Мы» — герои или «Мы» — жертвы Зла);
- 4) заговор как неотъемлемая часть дискурса крайне правых, основа которого — дискурс страха;
- 5) традиционные ценности и моральные принципы как основа идеологии политических партий правопопулистской направленности;
- 6) антиинтеллектуализм (упрощенные объяснения и решения).

Таким образом, Р. Водак выделяет те критерии, которые можно считать базовыми для националистического дискурса, ибо дальше идут вариации, в зависимости от национального и внутривнутриполитического контекста. Работа данного исследователя по праву может считаться классической в вопросе изучения идеологии и особенностей дискурса правых националистических организаций.

Заметим, что дискуссии о природе националистического дискурса начались сравнительно недавно. Исследователи по-разному оценивают значимость понятия «националистический дискурс» и его право на существование. Но, на наш взгляд, важно то, что сама дискуссия на эту тему — в том числе и научная — не останавливается. В современном мире, как уже подчеркивалось ранее, существует, помимо всех прочих, одна большая антитеза — «глобального» и «национального». Несмотря на объективные процессы глобализации, которые имеют место сегодня, темы национальной идентичности и национального суверенитета не исчезли с повестки дня, а лишь актуализировались с новой силой в новом социально-политическом контексте. И в большинстве случаев эту тему на европейском континенте поднимают крайне правые, праворадикальные политические силы, несогласные с тем проектом Европы, который представляет собой сегодня ЕС. Конструируя свой дискурс, который по праву можно назвать националистическим, праворадикальные политические партии учитывают современный контекст и убирают из него те интенции, которые могут быть восприняты негативно (например, элементы расистского или антисемитского дискурса). Те политические силы националистического толка, которые способны грамотно выстроить свой дискурс, добиваются успехов

в рамках электоральных кампаний различного уровня. По большому счету, сейчас в Европе для крайне правых сложилась уникальная ситуация — ситуация беспроигрышного участия. По сути, даже проигрыш во втором туре Марин Ле Пен на недавних выборах президента Франции, а также итоговая неудача крайне правых на последних парламентских выборах в той же Франции и в Британии не сломят общую тенденцию, а именно постепенный рост электоральной популярности этих партий, а точнее — тех идей, которые они отстаивают и, используя в своей агитации националистический дискурс, таким образом влияют на сознание огромного количества европейцев. Наглядным же примером не снижающегося электорального интереса к крайне правым стали осенние парламентские выборы в Австрии и Германии, в результате которых Австрийская партия свободы и «Альтернатива для Германии» остались в выигрыше (первые практически повторили результат скандальных выборов 1999 г. и сформировали коалицию с правоцентристской Австрийской народной партией; вторые сняли табу на активное представительство праворадикальных сил в немецкой политике). В данной ситуации консервативные силы, такие как Консервативная партия Великобритании в лице премьер-министра Терезы Мэй или Австрийская народная партия, главным трибуном которой стал молодой политик, новоиспеченный канцлер Австрии Себастьян Курц, вынуждены идти на ужесточение своей риторики в отношении вопросов, связанных с национальной безопасностью, суверенитетом, миграционной политикой и политикой в отношении беженцев.

Таким образом, в результате вышеописанного исследования теоретического наследия рассмотренного в статье концепта можно дать следующее определение понятию «националистический дискурс». *Националистический дискурс — это способ конструирования/упорядочивания социально-политической реальности с помощью актуализации символического значения нации/национального в контексте глобализации (политической/культурной/экономической), а также кризиса интеграционных процессов.*

Литература

- Берлин И.* Национализм: вчерашнее упущение и сегодняшняя сила // Берлин И. Философия свободы. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 344–351.
- Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный Дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
- Вердери К.* Куда идут «нация» и «национализм» // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 297–307.
- Водак Р.* Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2018. 404 с.
- Калхун К.* Национализм. М.: Территория будущего, 2006. 288 с.
- Кандель П.* О национализме «с человеческим лицом» // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 3. С. 124–135.
- Ломагина А. В.* Проблема националистического дискурса в современной социологической науке // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 3 (30). С. 160–166.
- Малахов В. С.* Национализм как политическая идеология. 2-е изд. М.: КДУ, 2010. 318 с.
- Миллер А.* О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4. С. 141–152.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Чемакин А. А. Понятие «националистический дискурс» и его место в изучении политических партий современной России // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2012. № 5. С. 114–120.

Шварцмантель Д. Идеология и политика / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 312 с.

Головин Михаил Сергеевич — аспирант; golovin.mihail@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 2 мая 2018 г.;

рекомендована в печать: 18 сентября 2018 г.

Для цитирования: Головин М. С. Националистический дискурс: теоретические проблемы и дискуссии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2018. Т. 14, № 2. С. 260–272. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.204>

NATIONALIST DISCOURSE: THEORETICAL PROBLEMS AND DISCUSSIONS

Mikhail S. Golovin

Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya nab., St.Petersburg, 199034, Russian Federation; golovin.mihail@mail.ru

Over the past few years, the European Union has experienced a sharp increase in the electoral popularity of right-wing political parties and movements. The crisis of the idea of national identity, socio-economic problems, the migration issue, as well as the controversial status of the EU in international relations — it's only part of the problems, the actualization of which is active and, as the results of elections at various levels — from local to pan-European ones — extreme right. The basis of their ideology is national populism, and the main tool is nationalist discourse, forming and using which these organizations influence the political choice of an increasing number of Europeans. In this article, various approaches of foreign and domestic researchers to the phenomenon of nationalist discourse are considered. In particular, the author attempted to analyze the mechanisms of the formation of nationalist discourse by analyzing theoretical constructs by researchers of this phenomenon. The process of the origin of the discussion about the phenomenon of nationalistic discourse in the domestic science (A. Miller, P. Kandel, V. Malakhov) is shown, and also the classical and modern approaches to the analysis of the problem of the discourse of nationalism in socio-political processes are considered. Difficulties in the definition of this category of political science are probably evidenced both by the urgency of the current policy and the need for further research in this scientific field. At the end of the article, the author made an attempt to determine the phenomenon under investigation, taking into account both the experience of previous studies and the features of the political process in modern Europe.

Keywords: nationalist discourse, right-wing radical parties, the EU, the nation, ideology, constructivism.

References

Berlin I. Natsionalizm: vcherashnee upushchenie i segodniashniaia sila [Nationalism: yesterday's omission and today's power]. Berlin I. *Filosofia svobody* [*Philosophy of freedom*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2001, pp. 344–351. (In Russian)

Calhoun C. *Natsionalizm* [*Nationalism*]. Moscow, Territoria budushchego Publ., 2006. 288 p. (In Russian)

Chemakin A. A. Poniatie "natsionalisticheskii diskurs" i ego mesto v izuchenii politicheskikh partii sovremennoi Rossii [The concept of "nationalistic discourse" and its place in the study of politi-

cal parties of modern Russia]. *Vestnik MGOU. Ser. History and Political Sciences*, 2012, no. 5, pp. 114–120. (In Russian)

Foucault M. *Volia k istine: po tu storonu vlasti, znaniia i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Will to truth: beyond authority, knowledge and sexuality. Works of different years]. Moscow, Kastal' Publ., 1996. 448 p. (In Russian)

Kandel P. O natsionalizme “s chelovecheskim litsom” [On nationalism “with a human face”]. *Pro et Contra*, 1998, vol. 3, no. 3, pp. 124–135. (In Russian)

Lomagina A. V. Problema natsionalisticheskogo diskursa v sovremennoi sotsiologicheskoi nauke [The problem of nationalist discourse in modern sociological science]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2013, no. 3 (30), pp. 160–166. (In Russian)

Malakhov V. S. *Natsionalizm kak politicheskaia ideologiya* [Nationalism as a political ideology]. 2nd ed. Moscow, KDU Publ., 2010. 318 p.

Miller A. O diskursivnoi prirode natsionalizmov [On the discursive nature of nationalism]. *Pro et Contra*, 1997, vol. 2, no. 4, pp. 141–152. (In Russian)

Shvartsmantel' D. *Ideologiya i politika* [Ideology and politics], trans. from eng. Khar'kov, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2009. 312 p. (In Russian)

Van Dijk T. A. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication]. Moscow, Book House “LIBROKOM”, 2013. 344 p. (In Russian)

Verderi K. Kuda idut “natsia” i “natsionalizm” [Where do the “nation” and “nationalism” go]. *Natsii i natsionalizm* [Nation and nationalism]. Moscow, Praksis Publ., 2002, pp. 297–307. (In Russian)

Wodak R. *Politika strakha. Chto znachit diskurs pravykh populistov?* [The politics of fear. What is the meaning of the discourse of the right populists?], trans. from eng. Khar'kov, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2018. 404 p. (In Russian)

Received: May 2, 2018

Accepted: September 18, 2018

For citation: Golovin M. S. Nationalist discourse: theoretical problems and discussions. *Political Expertise: POLITEX*, 2018, vol. 14, no. 2, pp. 260–272. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.204> (In Russian)